

Огонек

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

№ 29 (277). 15 июля 1928 г.

А. П. ЧЕХОВ И „АКАДЕМИЧЕСКИЙ СЛУЧАЙ“

К 24-летию со дня смерти А. П. Чехова. Очерк Юр. Соболева.

15 марта 1902 г. М. Горький, живший тогда в Крыму, получил за подписью исполняющего должность таврического губернатора К. Истинского (и не придумаешь нарочно такой фамилии для... и. д. губернатора) следующее конфиденциальное письмо:

„М. Г. Алексей Максимович!

„Императорская Академия Наук обратилась ко мне с просьбой возвратить ей посланный на Ваше имя пакет за № 198, выданный Вам 3-го сего марта с извещением об избрании Вас в почетные академики.

„Сообщая Вам об этом, имею честь просить Вас возвратить мне по прилагаемому адресу пакет Академии Наук с извещением за № 198.

„Прошу принять уверения и т. д.

К. Истинский“.

В этот же день Алексей Максимович ответил на это изумительное послание так:

„Его превосходительству

господину и. д.

таврического губернатора.

„Уведомление о том, что я избран почетным академиком, было получено мною непосредственно от Академии Наук; полагаю, что и с просьбой о возврате этого уведомления Академия должна обратиться непосредственно ко мне, мотивировав эту просьбу точным — на основании устава об учреждении Отдела изысканий словесности при Академии Наук — изложением причин, по силе которых Академия считает необходимым просить меня о возврате документа.

„Покорно прошу ваше превосходительство сообщить Академии это письмо.

А. Пешков“.

Мы знаем теперь эту историю, названную в дневнике В. Г. Короленко „академическим случаем“, во всех подробностях. Пять лет тому назад А. Дерман, работавший в полтавском архиве В. Г. Короленко, получил возможность тщательно изучить всю Владимиром Галактионовичем собранную по „академическому случаю“ переписку. Теперь эта небольшая работа с некоторыми сокращениями напечатана в выходящем на днях сборнике „Современники Максиму Горькому“. Выход этой книжки, с одной стороны, с другой — исполнившееся на днях 75-летие со дня рождения Короленко, — дают нам повод вернуться к некоторым деталям этой разыгранной 26 лет тому назад истории. В ней есть и еще одна особенность, о которой вспоминавшие в связи с юбилеем Алексея Максимовича и об „академическом инциденте“ как-то упускали из виду: мы говорим о той роли, которую довело сыграть здесь А. П. Чехову. Роль эта чрезвычайно отчетлива в биографии Чехова и лишней раз подчеркивает, насколько сам Чехов — натура актуальная и в достаточной степени заряженная чувством общественности, — был во всем полон так называемой „чеховщины“, воплощенной в генерации людей, получивших справедливое название — „хмурых“ и „лишних“.

Известно, что в первую же сессию выборов почетных академиков по разряду изысканий словесности этого отделения Академии Наук — 8 января 1900 г. — вместе с Л. И. Толстым получили звание академиков и В. Г. Короленко и А. П. Чеховым. Во вторую сессию среди прочих был избран К. К. Арсеньев, а в третью — 21 февраля 1902 г. — Максим Горький.

Вместе с ним прошел в Академию и А. В. Сухово-Кобылин. Трудно и представить себе большие противоположности, чем эти два новых „почетных академика“. Один — глубокий старик, в сущности оставшийся чуждым литературе и принадлежавший по всем своим политическим убеждениям к самым правым кругам. Другой — вчерашний бродяга, писатель-самоучка, внесший в русскую литературу освежающую здоровую струю, мешанин Нижнего Поволжья, малярного цеха, человек уже успевший испытать все особенности жанра дармского и полицейского воздействия — от тюрьмы до высылки.

А. П. Чехов и М. Горький. Снимок 900-х гг.

Неудивительно, что выбор Горького в академики произвел ошеломляющее впечатление. Об этом незамедлительно было доложено царю, и царь собственноручно начертать соизволил:

„Более, чем оригинально“.

Конечно, оригинально!.. В этой сентенции Николай, в сущности, выразил искреннейшее свое изумление, и только. По этой царской резолюции было совершенно достаточно для того, чтобы предложить великому князю Константину Константиновичу — президенту Академии — напечатать, якобы от имени Академии, официальное сообщение, в котором Академия признавала выборы Горького действительными, так как Академия будто бы не была осведомлена о том, что Горький находится под следствием в качестве обвиняемого по соответствующей статье закона по политическому делу. Академия поступила здесь поистине холодеюще! Вот это и возмутило Короленко и Чехова. Короленко понял, что отныне в Академию будут избирать лишь таких писателей, которые получили через полицию патент своей политической благонадежности. Короленко возмущался, требовал общего собрания Академии и ничего, конечно, не добился, так как не встретил поддержки в среде своих коллег.

Отчетливо понимая, что незадаченности высшего научного учреждения, каким считалась Академия, нанесено оскорбление, Короленко ничем иным не хотел и не мог

на него ответить, как сложением с себя звания почетного академика. Этому предшествовала переписка с Чеховым, в котором Короленко нашел единственного сочувственного. Чехов вполне разделял точку зрения Короленко. 25 августа 1902 года сложил и он с себя звание академика.

Вот заявление, написанное по этому поводу и в копии посланное в письме к Короленко:

„Дорогой Владимир Галактионович!

„Где вы, дома ли? Как бы то ни было, адресую это письмо в Полтаву. Вот что я пишу в Академию: „В. и. в. В декабре прошлого года я получил извещение об избрании А. М. Пешкова в почетные академики; и я не замедлил повиноваться с А. М. Пешковым, который тогда находился в Крыму, первый принес ему известие об избрании и первый поздравил его. Затем, немного погодя, в газетах было напечатано, что, в виду привлечения Пешкова к дознанию по 1035 ст., выборы признаются действительными; при чем было точно указано, что это извещение исходит от Академии Наук, а так как я состою почетным академиком, то это извещение частью исходило и от меня. Я поздравлял сердечно и я же признавал выборы действительными — такое противоречие не укладывалось в моем сознании, примирить с ним свою совесть не мог. Знакомство с 1035 ст. ничего не объяснило мне, и после долгого размышления я мог прийти только к одному решению, крайне для меня тяжелому и неприятному, а именно, почти-тельно просить в. и. в. о сложении с меня звания почетного академика“.

„Вот вам, сочинял долго в очень жаркую погоду и лучше сочинить не мог и, вероятно, не могу“.

Замечательное письмо: образец эпистолярной формы — четкой и ясной. Оно насыщено глубоким чувством собственного достоинства, и как неожиданно для тех, кто привык смотреть на Чехова, как на „нытика“, — как оно мужественно!

Чехов, таким образом, пробыл в академике два года. На первых порах, когда он читал в газетах о решении образованной разряд изысканий словесности при Академии, его это радовало, как доказательство, что и в России будет оказано литературе должное уважение. Но когда он узнал, что устав разряда предусматривает, что писатели будут лишь „почетными академиками“, не имеющими права решающего голоса, и что, в сущности, это звание решительно ничего не дающее, он справедливо стал считать, что быть почетным академиком это все равно, что быть „почетным гражданином города Вязьмы или Череповца“.

Эпизод „академического случая“ разыгрался в первые месяцы после февральской революции 1917 г.: Академия постановила перенести в свою среду Горького и обратилась с просьбой принять звание почетного академика и к Короленко. Владимир Галактионович по целому ряду мотивов отклонил это предложение. В постскрипуме своего отказа он привел еще один мотив: „Вышли мы по обоюдному соглашению с А. П. Чеховым, войти вместе не можем“.

Юр. Соболев.